

Когда наступают паузы, придумываю себе работу

Как она сорвалась с трехметровой высоты, не помнит. Повезло. Упала на сцену между трубами. Монтировщики, которые подбежали первыми и не разрешили ее трогать, услышав стоны, обрадовались: значит не все так плохо, но боль реагирует. Сколько потом она перенесла этой боли – не счесть. Порой, казалось, что выдержать такое невозможно, но она никогда не думала о том, чтобы расстаться со сценой. Через полгода она отправится на гастроли в Авиньон. Через год, когда будет казаться, что все прошло, у нее обнаружат неправильно сросшиеся в результате не определенной в начале перелома позвонки. Эта халатность врачей дает о себе знать и сегодня. А началось все с Моцарта. В семье Линдт уже была девочка. Отец хотел мальчика. Мама его мнения не разделяла и пошла в клинику. На двери плакат: "А вдруг он будет Моцарт?" Она развернулась и ушла. Родилась снова девочка. Назвали Ириной. Четверть века спустя она сыграет великого Амадея в спектакле "Моцарт и Сальери" на Таганке. Отец был военный музыкант, трубач. Он научил ее играть на трубе. Она выдувала незатейливые мелодии, чем веселила весь оркестр. Прочилась четыре года в музыкальной школе по классу скрипки, возненавидела и инструмент, и педагога. Куда лучше складывались отношения со спортом: легкая атлетика, лыжи, фехтование, разряд по шашкам, баскетбол (в школе олимпийского резерва). Хоть была мала ростом, зато прыгала высоко и метко попадала мячом в корзину. Когда отца перевели служить из Казахстана в Германию, Ирина стала там солисткой вокального ансамбля.

– В какой-то момент я пришла к выводу, что актриса может и играть, и петь, но в театральные решила поступать не сразу. Пошла в Университет на журфак. Параллельно занималась в театральной студии и на отделении классического вокала в консерватории. В театральные решила поступать в Москве.

– Почему выбрали училище имени Щукина?

– Для жителей СНГ там обучение было бесплатным. На втором туре я спела, и мне посоветовали с гитарой не расставаться. Приходилось все время ее у кого-нибудь одалживать. Сложно было с медицинской справкой. Без нее документы не принимали. Я зашла на Арбате в Снегиревскую поликлинику. Терапевт заполнила бланк за 10 минут, а с окулистом вышло смешно. У меня минус девять. Так как зрение проверялось часто, я таблицу наизусть выучила. Назвала все буквы, врач отметила, что зрение хорошее, и выдала мне справку.

– На Таганку попали после училища?

– Я училась на четвертом курсе и играла в русско-немецком театре, куда меня взяли по национальному признаку, у режиссера Эрвина Гёза в "Триумфальной арке". Он ученик Любимова. Спектакль посмотрела

И. Линдт

завтруппой Театра на Таганке и посоветовала мне показаться мэтру. В театре в это время репетировали "Подростка". Мне дали текст Катерины. Первое, что сказал Любимов: "Это что за русалка? Уберите волосы". Я заплела косу. Потом он сделал следующее замечание: "Вас не слышно". Объяснили перерыв. Все вышли. Я осталась на сцене и стала издавать чудовищные звуки, кричать: "Ау. Ку-ку. Я – здесь" и т. д. Прибежал Эрвин: "Ирка, ты что орешь? Трансляция работает". Эти упражнения помогли мне приноровиться к условиям сцены, и после перерыва меня уже было слышно. На следующий день висел приказ о назначении меня на роль царевны Ксении в спектакле "Борис Годунов", и две роли: Лизы и Оли в "Подростке".

– Как вас принял коллектив?

– В общем, нормально. Я человек не очень коммуникабельный. Трудно схожусь с людьми. Но я усвоила одну простую истину: каким бы ты ни был, как бы ты себя ни вел, все равно кто-то где-то будет о тебе что-то говорить. По этому поводу не стоит расстраиваться.

– После того рокового падения вы долго восстанавливались?

– Я упала на прогоне 16 января. 31 марта сняли гипс. Полная мышечная атрофия. Я не вылезала из тренажерных залов. На июль у нас были намечены гастроли в Авиньоне, а в спектакле "Марат – Сад" у меня

степ, акробатика. Я хожу по забору, кувиркаюсь, подтягиваюсь, вишу на руках. Нагрузка бешеная. Но Авиньон! Я сделала все для того, чтобы туда поехать. Мы сыграли семь спектаклей подряд с перерывом в один вечер.

Потом у нас были гастроли в Финляндии. Мы приехали рано утром, вышли, а на перроне большие плакаты с моим изображением. Я подумала: "Галлюцинации. Травма дает о себе знать". Выходим на улицу, а там на огромных щитах мое лицо, а на прилавках майки, и на них тоже я. Гляжу, не одна я вроде это вижу. Оказалось, устроители взяли эмблемой фестиваля сцену из нашего спектакля.

– Так вы и не отдохнули.

– После Финляндии я почти сразу поехала в Италию – актерский грант. Я была прикреплена к театру, ходила на репетиции, ездила по музеям. Рим, Флоренция, Венеция, Неаполь, Помпеи... Гостиницы были дорогие, и меня приютити сначала в посольстве, потом в консульстве и на вилле ИТАР-ТАСС. После Италии были гастроли в Чехию, потом за месяц (!) я снялась в главной роли в фильме Евгения Линдбурга "Игра в любовь". Так закончился для меня этот роковой год, но, если учесть все перечисленное, то, может быть, не стоит считать его таким уж ужасным.

– "Норд-Ост" уже был после?

– Первый раз мне позвонили ле-

том, как раз между Францией и Финляндией. Второй раз через полгода, и в марте я подписала контракт.

– Что интересного в том, чтобы каждый день играть одно и то же?

– А я экспериментировала. Пробовала по-разному петь, пыталась понять, например, что на меня действует, чтобы я могла сразу заплакать. Помню, когда на съемках мне сказали, что надо сесть перед камерой и заплакать, я не смогла. Сколько Лариса Гусева с Ниной Руслановой мне ни помогали, стараясь довести меня до слез, я только смеялась.

– Значит, первый спектакль не похож на двадцатый?

– Что-то фиксируется, а что-то меняется. После нервной премьеры наступает момент спокойного, уверенного существования. Вот тут ты и начинаешь слышать акценты, которые раньше для тебя ничего не значили.

– Ваше физическое состояние может повлиять на спектакль?

– Смотря на какой. В "Марат – Сад" такая жесткая форма, так все зафиксировано, что даже, если артист выйдет на сцену полубольным, спектакль может пройти по градусу чуть-чуть ниже, но все равно успешно.

– В чем заключается школа Любимова?

– Как бы это объяснить? Минимум эмоций. Нужно донести мысль, а не чувство. Стиль Любимова – это чувство меры. Актер, понимающий это, четко знает, что можно изображать на сцене, а что не стоит.

– У вас есть любимые роли?

– Их две. Шарлотта Корде в пьесе "Марат – Сад" и Мария Васильевна в "Норд-Осте", которую я, правда, уже не играю: мой контракт с апреля закончился. Когда играешь такие любимые роли, создается ощущение, как будто каждая частичка твоего тела и души играет. "Норд-Ост" мне даже снился.

– Что вы делаете, когда наступают паузы?

– В отсутствие практики артист становится эмоционально неподвижен, ему трудно сразу включиться в процесс. Нужно беречь аппарат. Можно взять, например, стихотворение Лермонтова и читать его трагически, драматически, комически или придумать себе какую-нибудь работу. Я верю, что количество в конце концов переходит в качество. У меня, например, есть гитара и романсы. Буду записывать диск. Туда войдут романсы, написанные специально для меня. Я пишу стихи.

А сейчас я занимаюсь новым проектом, который будет называться примерно так: "Русские романсы в исполнении артистов "Норд-Оста". Проект включает в себя запись диска и концерт. В этом проекте я выступаю не только в качестве участника-исполнителя, но и, что для меня новое, в качестве продюсера.

851
Беседу вела
Татьяна ПЕТРЕНКО